

ДЖАЗ В РОССИИ - АГОНИЯ ИЛИ РАСЦВЕТ?

Борис Алексеев — известный в Москве спец по джазу, ведущий "Джазовой ночи" на радиостанции "Эхо Москвы". Конечно же, он коллекционер. На мой вопрос: "Сколько у вас пластинок?" — он ответил по-простому: "Стена". Записи, которые он крутит на своей радиопередаче, — его собственные. За четыре года он ни разу не повторился. И фонотеки его хватит еще очень и очень надолго.

— Точно ли джазу 100 лет?

— Не думаю. По-моему, это придумали в Доме журналиста.

— Наверное, столетие отсчитывают от первых оркестров, которые ходили по улицам Нью-Орлеана...

— Да этих оркестров в Нью-Орлеане было хоть пруд пруди. Они ходили себе и ходили. Это была музыка народа, все равно что балалайка у нас в деревне. Разве скажешь точно, когда на балалайке впервые заиграли? Первая джазовая пластинка была записана в 1917 году. Это был "Original Dixie Land Jazz Band". Может быть, от этого и надо было

деньги получают. Правда, редко. Ведь джаз — он не кормит.

— А в Америке кормит?

— Только тех, кто выбился в звезды. А кто не выбился — у тех есть какая-то работа, а джаз — только развлечение.

— Послушать вас — так сегодняшней день в джазе никак не назовешь золотым веком?

— Безусловно. Золотой век в джазе пришелся на 50-е, 60-е годы. Когда закрылись биг-бэнды (большие оркестры) — по причинам, кстати говоря, чисто финансовым, — музыканты стали играть маленькими ансамблями. Они стали искать, экспериментировать. Но и они постепенно ушли, уступив место электричеству — электророялям, электросаксофонам... Даже Майлс Дэвис, гениальный трубач, которого все боготворят, и тот в конце жизни заиграл на электрической трубе какую-то смурь. Люди слушают, ахают, но в большинстве своем ничего не понимают. А потому впадают в ностальгию. Вот я прихожу к своему другу, джазовому фанату, он сидит слушает музыку Кида Ори, Луи Армстронга, Файтса Уоллера — музыку 20-х, 30-х годов — и плачет: "Ах, как чисто, ах, как изуми-

ЛИЦОМ К СТЕНЕ

Музыка бедных

прыгать? Официально зафиксированное рождение джаза.

— К чему же пришел джаз сегодня?

— Я думаю, джаз пришел сегодня к стене, — оптимистично ответил Борис. — Потому как после всех эволюций музыканты уткнулись в электричество и не знают, что делать дальше. Недаром сейчас в Америке от электричества уходят даже "волосатые". Идет возврат к истокам. Опять с удовольствием слушают Луи Армстронга и Эрла Хайнса.

— А современный джаз существует?

— На нашей почве он скорее не существует, а влачит существование. Музыканты пытаются играть, как американцы. Но это невозможно. Для этого надо быть американцем. Когда наши певицы поют джаз по-английски, это так смешно: они же с чудовищным акцентом поют и при этом не понимают ничего. Чтобы играть и петь американский джаз, надо там родиться, крутиться в этом компоте.

Есть такой трубач Пономарев, уехавший 15 лет назад в Нью-Йорк. Первое, что он сделал, когда приехал туда, — пошел в знаменитый джазовый клуб. Там играл его кумир Арт Блэйки. Его представили: "Вот приехал джазовый музыкант из России, Пономарев". Блэйки говорит:

— Давай иди сыграй что-нибудь со мной, раз ты такой трубач. Где твоя труба-то?

Тот говорит:

— Я не взял трубу с собой...

Блэйки ужасно удивился:

— Что же ты за музыкант, который ходит без инструмента?

И он усвоил это на всю жизнь: там надо всегда и везде ходить со своей трубой. Потому что у них это принято: они ходят друг к другу в гости с инструментами, играют, учатся друг у друга. Это их жизнь. А здесь нет этого. Да, играют вечерами, кто-то лучше, кто-то хуже. Иногда какие-то

тельно", хотя всю жизнь предпочитал авангард.

— Кто у нас слушает джаз?

— Ходил я недавно в Политехнический музей на джазовый концерт. Полупустой зал. В основном — пожилые люди. Преобладает интеллигенция. Кого никогда не встречал на джазовом концерте — "новых русских". Видимо, это для них слишком сложно. Билеты дешевые, но народу немного. Может быть, потому, что играет одна и та же десятка музыкантов. Послушал раз, послушал два — и хватит. Новых хочется послушать, а их нет. Кроме того, настоящие любители предпочитают слушать музыку своих кумиров в оригинальной записи, нежели во второсортном российском варианте. Невольно сравниваешь и говоришь: "А Джерри Маллиган-то лучше!" Мою передачу, которая идет семь часов в глубокой ночи, именно потому и слушает большое количество людей, что я ставлю замечательные записи великих музыкантов прошлого, которые выпали из нашей жизни, которые неизвестны у нас.

— Ну хорошо, любителям джаза жить легко: включил радио, купил компакт — и слушай, что хочешь. А как живут-поживают сами джазмены?

— Плохо живут. Традиционный джаз коммерческим успехом не пользуется. Считается, что у нас существует оркестр Олега Лундстрема. Но на деле музыканты его где-то бегают, подрабатывают, чтобы раз в полгода собраться, сыграть в Театре оперетты по контракту, а потом опять разбежаться. Перед нашими джазовыми музыкантами надо снять шляпу: они фанаты. С утра до вечера они где-то бегают в поисках халтур, дабы снискать хлеб насущный. Им надо где-то релетировать, ночью они, как правило, записываются. Поэтому у большинства семейной жизни нет никакой. У меня есть друг Валерий Киселев, великий кларнетист. У него личная жизнь сложилась неплохо, потому что его жена — тоже музыкант, и она понимает: если муж ночью не пришел домой, то это потому, что он действительно записывал диск, а не потому, что изменял ей. Но это, скорее, исключение. Большинство не очень счастливо.

Итак, по мнению Бориса Алексеева, активная джазовая жизнь в Москве бьется лишь в радиозэфире и ностальгических воспоминаниях фанатов. Музыканты в основном несчастливы. Публика современным джазом не интересуется. Печальная картина! Но это — только одна точка зрения.

Музыка бедных. 1997